

Предисловие

В США есть интересная практика: молодые полицейские внедряются в уличные шайки подростков, изучают вожяков, добывают на них неопровержимые улики, отделяют небезнадежных ребят от вконец испорченных. Вожяки и их приближенные отправляются по суду в тюрьмы, а шайки распадаются.

Что-то отдаленно похожее проделал автор этой книги. Только он был не полицейским, а обыкновенным парнем 25 лет от роду. Точнее, бывшим уличным парнишкой. Поэтому ему и удалось найти общий язык с группировкой подростков, в которую он затесался.

Но ни один вожак этой группировки не угодил в тюрьму. А сама группировка через какое-то время превратилась в молодежную организацию, о которой узнала вся страна, СССР.

Да, это было во времена СССР. Зачем тогда эти воспоминания? Затем, что разительных перемен, к сожалению, нет. В стране сменился строй, а что представляет собой работа с детьми по месту жительства? Тот же формализм чиновников от педагогики, что и раньше. То же финансирование по остаточному принципу.

А ведь сегодня, когда так остро стоит вопрос сохранения страны, требуется особое воспитание детей и подростков, концентрация усилий всех уровней власти: местной, региональной, федеральной. А что видим на деле?

Темпы роста преступности несовершеннолетних у нас выше общемировых. Реальное число совершенных подростками правонарушений во много раз превышает число зарегистрированных. Вошло в моду и стало даже престижным употребление наркотиков, оборот которых в России достигает миллиардов долларов.

Но не все так безнадежно, считает автор. Нужно только иначе взглянуть на возможности подростков. Нужно иначе посмотреть на их жизненную позицию. На самом деле, подростки хотят быть не только свободными, но и полезными. И с учетом этих особенностей нужно объединять их в организации, ставить перед ними задачу служения обществу.

Автор не просто делится своими педагогическими находками. Он подробно объясняет, как их применить сегодня, в условиях другого строя. Самые интересные его мысли, изложенные в главе «Свежий ветер», связаны с зарождением гражданского общества в малых городах, где живет больше трети населения страны. Если в гражданское общество не могут объединиться взрослые, то давайте сделаем ставку на детей, попробуем воспитать настоящих граждан из них, предлагает автор.

И показывает, как это можно сделать. Предлагает опробованную им воспитательную систему, названную *уличной педагогикой*.

Обычно подростки объединяются в группы с особой психологией, силовым, агрессивным самоутверждением, тягой к контролю над своей территорией и конфликтам. Но это, по мысли автора, как раз те минусы, которые можно обратить в плюсы, использовать в педагогических целях. Созданная из уличных групп подростковая организация следит за поведением отдельных подростков-правонарушителей и вбирает их в себя, предотвращая возникновение предкриминальных групп. То есть выполняет те профилактические функции, которые оказываются непосильными полиции.

Книга представляет интерес не только для тех, кто непосредственно занимается подростками и молодежью, но и для глав местных самоуправлений. Автор убедительно доказывает, что ставка на подростков, объединенных в организацию, поможет решить массу постоянно не решаемых проблем, связанных с благоустройством населенных пунктов и экологией. Это книга – не только о работе с подростками, но и о воспитании патриота своей малой родины.

Опробованная автором в течение восьми лет система дала убедительный результат. В течение этого срока в одном из районов 400-тысячного города не возникло ни одного стихийного уличного сообщества.

Причем, организация почти ничего не стоила городскому бюджету, ибо практически существовала на деньги, которые ребята зарабатывали собственным трудом. Заслуги этой организации отмечали высокие военачальники, а имущество и снаряжение ей выделялось по личному распоряжению министра обороны.

«Отчаянная педагогика» представляет собой живой рассказ об уникальном эксперименте. И одновременно является практическим руководством, как создавать подобные организации и как использовать энергию подростков, что называется, в мирных целях.

Подростковый возраст – самый трудный и разрушительный, может быть самым позитивным и созидательным. Нужно только захотеть это понять. А, поняв, дать этому возрасту большое дело, поставить перед ним большие задачи, оказать ему большое доверие. И тогда он, этот возраст, свернет горы.

Автор в это верит. Осталось поверить тебе, читатель.

Содержание

«Черная дыра»	6
Атаманщина	11
Бунт	23
Операция «Инкогнито»	31
Комсомольская инквизиция	39
Ноев ковчег	44
Сухой закон	52
Миф о любви	60
На грани фола	67
Военка	75
Прощай, «Гринабель»	81
Тупик раскрепощения	84
Свежий ветер	96
Приложение	123

Беседа первая

«ЧЕРНАЯ ДЫРА»

Начнем с самого простого вопроса. Что такое улица с точки зрения уличной педагогики?

Дома и в школе подросток находится в подчиненном состоянии, а улица – это сфера свободного общения, практика самостоятельного поведения, накопление уверенности в себе. Даже конфликты между группировками – тоже форма общения.

Улица – это стихийный коллектив. Маленький или большой, безбидный или с отклонениями от нормы, или, наконец, криминальный. Но ни с одним из этих коллективов мы не работаем: не принято.

Структурно уличный коллектив – это срез общества в миниатюре: предводители и приближенные, оппозиция лидерам, «молчаливое большинство». Своя «культура», свой язык и даже своя «экономика». Улица не создает собственных форм жизнедеятельности, а только перенимает их у взрослых и осуществляет в соответствии с главными особенностями подросткового возраста – максимализмом и агрессивностью.

Раньше улица собирала изгоев - обиженных родителями и учителями и давала возможность самоутвердиться в справедливой конкуренции мальчишеских сил. Старшие и сильные не могли унижать младших и слабых, это подрывало сплоченность стихийного коллектива. Норма, выгодная одной только уличной верхушке, прижиться не могла. Как всякая другая саморегулируемая система, улица отторгала все, что могло ее ослабить. Сегодня чаще обижают свои, чем чужие.

Мы называем свою жизнь жестокой и несправедливой. Если бы мы знали в деталях, что переживают дети на улице, нам было бы стыдно за эти слова.

На улице есть свои изгои, вынужденные терпеть издевательства, побои и даже сексуальное насилие. Можно сбежать из дома, но порвать с улицей почти невозможно, она затягивает и держит, как космическая «черная дыра».

Каких подростков ты бы причислил сегодня к категории «уличных»?

Как-то в прессе промелькнул любопытный факт: девочка-подросток предъявила отцу-милиционеру ультиматум: или ты уйдешь из милиции, или я уйду из дома. Девочка жила представлениями уличной среды, что быть ментом – стыдно, а быть дочерью мента – позорно.

Если подросток не соответствует каким-то требованиям уличной компании, он может много чего натворить, только бы доказать, что он в доску свой. А если не удастся доказать, может даже свести счеты с жизнью. Компания для него – все равно, что воздух. А к родителям отношение больше потребительское - накормили, одели-обули, даже спасибо не скажет.

Характерная черта современных подростки - ранняя половая жизнь. В больших городах уже не так постыден гомосексуализм, а употребление наркотиков сегодня модно и престижно, даже в малых городах. Местная власть как бы замечает это явление, но оно обнаруживается очень просто. Достаточно провести анонимный опрос подростков. До 80 процентов из них точно знают, где можно купить наркотик, и по какой цене.

Макаренко утверждал, что о ценности метода нужно судить по результатам работы. У тебя были какие-то свои критерии оценки результатов?

По приблизительным подсчетам, за 8 лет через мою организацию прошло около двух тысяч подростков. В опасном состоянии личности (на грани судимости) находились не меньше 200, то есть каждый десятый. По критериям тех, кто проверял мою работу, этого было мало. Наверное, если не учитывать тех, кто находился под влиянием этих 200, а их было примерно 600, то есть каждый третий. Но за восемь лет ни один не попал на скамью подсудимых!

Не мешало бы учесть и другие результаты. «Те, у кого не было настоящего детства, страдают от этого всю жизнь», - писал польский педагог Я.Корчак. А что такое отсутствие настоящего детства? Не только бедность, скверные родители, сиротство и т.п. Это еще, когда нечего вспомнить. Вот уж чего не скажешь о наших ребятах. Имея уже внуков, они до сих пор собираются ежегодно, дружат семьями: им есть что вспомнить.

Как ты занялся этой работой?

Мне было уже 25 лет, но я никак не мог найти себя, перебирал профессии. Написал повесть, как теперь понимаю, очень слабую. Но членам местного литобъединения она почему-то понравилась. Ее прочел первый секретарь Павлодарского обкома комсомола Сергей Литвиненко, вызвал к себе, начал выяснять, чему дышу. Я был, мягко говоря, невысокого мнения о комсомоле. И в прошлом далеко не пай-мальчик. Как ни странно это ему

понравилось. Как потом выяснилось, он сам был не в восторге от комсомола, в котором занимал не последнее место. В юности даже водился со шпаной. В общем, мы нашли общий язык, и Сергей предложил мне заняться подростками, которых в те годы называли «трудными».

Тех, кто занимался в 60-70-е годы прошлого века подростками, называли ребячьими комиссарами. Есть ли такого типа люди сейчас?

Те, кто думает, что раньше таких людей было много, идеализирует прошлое. На весь Советский Союз ребячьи комиссары (не будем закавычивать и этот термин) были наперечет. Мне иногда говорят, что сейчас таких людей вообще нет. Не уверен: эта особая порода людей была, есть и будет.

Уверен также, что хотя бы одного такого человека при желании можно найти в любом большом или малом городе. Местная власть должна находить таких людей, если хочет спасти подростков от наркомании и преступной жизни. Ребячий комиссар нужен местной власти именно в этом качестве – как спасатель.

Если по улицам города не проходит колонна подростков с рюкзаками или в парадной форме, если вы не видите подростков, которые метут улицы, красят заборы, озеленяют скверы, следят за порядком в местах отдыха, в этом городе нет воспитания.

Теперь конкретно о качествах ребячьего комиссара. Он должен быть энтузиастом-бессребреником, фанатиком своего дела и хорошим «доставалой». Раньше что-то просили у шефов, сегодня придется идти на поклон к предпринимателям.

Это должен быть парень, лет 23-25, холостой, не обязательно с педагогическим образованием, но с характером лидера, способный стать для подростков «отцом-командиром» и проработать без выходных, праздничных дней и отпусков лет шесть-восемь. Это предел, потому что работа требует очень большого напряжения сил. Восьми лет вполне достаточно еще и потому, что дальше человек начинает чувствовать свой возраст, дистанция между ним и ребятами увеличивается, возникают отношения «воспитатель – воспитанники». А это нежелательно. Воспитание в уличной педагогике должно быть, образно говоря, без цвета и запаха.

Давай еще раз уточним: насколько применимы твои методы работы сегодня? Все-таки подросток стал другим.

Как раньше, так и сегодня существует несколько типов подростков. Ребята, которые живут в мегаполисе, региональном центре и малом городе значительно отличаются друг от друга. Подростки, живущие, например, в поволжских городах, совсем не те, что их сверстники других областях России. Даже в малых городах живут разные ребята, а значит, и методы их воспитания должны различаться.

Помнится, когда мне посоветовали почитать А.С.Макаренко, я подумал: а зачем? Прошло 30 лет, Антон Семенович имел дело с беспризорниками и работал с ними в колонии, и они были в его руках 24 часа в сутки.

А главное – ребята были совсем другие. «Они меньше всего думали о будущих заработках, о материальных стимулах. Они жадными глазами следили за великим подъемом нашей жизни», - писал Макаренко. В 1966 году, когда я начал эту работу, идеалы становились, если можно так выразиться, все более материальными (нарастал вещизм), характеры – все более дряблыми. Практицизма, скепсиса, цинизма становилось все больше.

Но, несмотря на сомнения, я все же начал читать классика, и уже не мог оторваться, как от хорошего детектива. Читал, как хорошую инструкцию.

Есть универсальные черты характера, свойственные подростку всех времен. И есть универсальные методы воспитания, которые предложил Макаренко.

И через тысячу лет подростка будет одолевать жажда самоутверждения, уважения и самоуважения, страсть к закалке, приключениям и риску, стремление к дружбе и товариществу. Подростки, как и взрослые, любят командовать и воспитывать друг друга. Их, как и взрослых, окрыляет доверие. Макаренко очень доходчиво показывает, как находить этим качествам применение.

Но здесь требуется оговорка. Макаренко начинаешь понимать, когда сам поваришься в этой работе. Тогда предметно представляешь, о чем он пишет и что имеет в виду. Я бы даже так сказал: начинаешь следовать советам Макаренко, когда думаешь в унисон с ним.

Например, он говорил, что педагог должен уметь играть. И даже подробно объяснял, что это такое. А кто из наших педагогов это перенял? Говорил, что настоящий воспитатель должен рисковать. А кто у нас этому следует?

Макаренко был мастер. То, что он делал, называется искусством. Скопировать это нельзя. Можно только на основе его искусства создать свое, может быть, не такого масштаба и не такой яркости, но тоже искусство.

Ты не был профессиональным педагогом, а технологией воспитания овладел довольно быстро. Каким образом это получилось?

В библиотеке мне попала на глаза книга малоизвестного революционера-демократа Николая Шелгунова. Писал он языком второй половины XIX века, но мысли высказывал вполне современные. Например: «Воспитания у нас нет и оно невозможно, педагогики нет и она еще более невозможна».

Почему? Объяснение он давал такое: «Мы делаем одно из двух: или навязываем своим детям самих себя, или, махнув рукой, оставляем их расти на улице».

Или еще: «Четырехлетний американец уже слышит о выборах президента, а какие разговоры в семье слышит русское четырехлетнее дитя?»

Не у Макаренко, а у Шелгунова я впервые прочел, что «игра есть действительность ребенка», что «воспитание – это передача привычек» и «предоставление новых возможностей человеческого поведения», что для общения воспитателя с детьми «требуется полная солидарность во всем» и что «жизнь есть деятельность, взятая в отношении к другим людям».

Творческая и эффективная воспитательная система, как правило, не навязывает никаких рецептов, а только дает мыслям определенное направление. Вот Н.Шелгунов и указал мне это направление.

Все юношеские объединения начинались с объявления в газете или на стенах домов. Ты, насколько известно, действовал в детективной манере - вошел в доверие к уличной компании, стал там своим. Как возникла такая идея?

Об американской полицейской практике я узнал только недавно... А идея внедрения возникла просто. Я действовал не как взрослый человек, а как подросток. Я не чувствовал себя воспитателем. Более того, питал отвращение к назиданию, давлению, навязыванию взглядов, вкусов, норм поведения. Чувствовал, что могу повести за собой ребят, но только как молодежный лидер, а не как воспитатель.

В горкоме комсомола мне дали стол с телефоном и бодро посоветовали: «Работай!» Ничего другого мне сказать не могли. Опыт пионерской и комсомольской работы здесь не годился совершенно. Нужно было начинать с чистого листа.

Единственное, что я четко сознавал: моя настоящая работа – не в кабинете горкома. И я пошел по дворам, наблюдал за группами подростков, выбирал, с какой начать. И, в конце концов, выбрал.

Интересная была компания. И дрались, и мопеды угоняли, и самопалы мастерили. Это то, что я мог наблюдать. А сколько чего не видел?

Несколько раз за вечер ребята заходили в подъезд и будто проваливались сквозь землю. Оказывается, в подвале был дворовый клуб. Педагог-организатор часто «сидела» на бюллетене по уходу за ребенком, а ребята этим пользовались – подделывали ключи к замкам. Слесарь ЖЭКа только сменит замок – ребята тут же подберут новый ключ.

Однажды я увидел, как с этой компанией разбиралась инспектор по делам несовершеннолетних Мыльникова. Я ней познакомился. Она дала характеристику каждому, особенно заводилам, уличным лидерам. Ценными были и сведения о положении в их семьях. Вообще, это очень важно – все знать о подростке, с которым тебе придется заниматься.

Помню, Мыльникову посматривала на меня скептически. Не очень верила, что у меня что-то получится. Она называла улицу отстойником. «То, что отстоялось, все равно рано или поздно сядет», - мрачновато шутила она, показывая, что не верит в эффективность милицейской профилактики правонарушений.

Рассмотрим ключевой момент. Ты впервые подошел к уличным подросткам, завязал с ними разговор. Почему тебя, грубо говоря, не послали подальше?

Я мог бы подойти один. Это возможно, если ребята не совсем испорчены. А их испорченность как раз проявляется в неприятии любого взрослого. Поначалу я так и хотел сделать – подойти к уличной компании, где она тусовалась. Но решил на всякий случай подстраховаться.

Объясню, почему. Это как устроиться на работу. Одно дело - придти с улицы. И совсем другое дело – по рекомендации. Вот мне и нужна была рекомендация.

В том дворе, где колобродила компания подростков, жили ребята, которые с этой компанией не водились, но знались. Я познакомился с ними и предложил им создать организацию подростков, которая будет интересней пионерии и комсомола. Предложение было заманчивое, и они не смогли отказаться.

Вместе мы стали придумывать название, девиз, символику, структуру, названия должностей, форму управления и т.д.

На ребятах из группы поддержки я проверял заманчивость тех предложений, с которыми мы должны были придти в ту самую уличную компанию. Это помогло двигаться не на ощупь, а достаточно уверенно. Для того, чтобы за тобой пошли уличные подростки, нужно быть очень уверенным в себе человеком.

Беседа вторая

АТАМАНЩИНА

А теперь немного о месте и времени действия.

Это было в Павлодаре. Есть такой город в Казахстане, в 400 километрах южнее Омска. Основан был сибирскими казаками. А в конце 50-х годов стал одним из центров освоения целины. Началось строительство

тракторного и алюминиевого заводов. Со всех концов Союза съехались специалисты, комсомольцы-добровольцы и те, кто хотел спрятаться от милиции. Раствориться в людском половодье Казахстана в те годы было несложно. К тому же заводы и жилье строили заключенные. Освобождаясь, они принимались за старое прямо здесь, никуда не уезжая.

Пошел в рост «цветок зла» - преступность несовершеннолетних. Происходило заражение от взрослой преступности (родителям, занятым ударными стройками, было не до детей), отставала в развитии инфраструктура досуга. Надо было что-то делать, только не милицейскими методами. Но это понимала не вся власть, а только редкие ее представители, в нашем случае Сергей Литвиненко.

События, о которых пойдет речь, происходили в районе тракторостроителей, в так называемой «Пятиэтажке». Жили там в основном приезжие. Это были люди с характером, активные, способные. Такими же были и их дети.

Итак, ты остановил свой выбор на конкретной уличной компании, получил о ней необходимую информацию. Что было дальше?

Ребята из группы поддержки заранее предупредили, что мы «нагрянем». И как бы случайно проговорились, зачем именно. Два дня компания томилась в ожидании, обсуждала, что делать. Это был заранее рассчитанный ход, который себя оправдал.

Встреча произошла в дворовом клубе «Восход», довольно мрачном подвальном помещении. Ребята впустили меня и группу поддержки, как хозяева. Их было человек сорок. Идею создать организацию они приняли с интересом (потом в этом признались), но особенных эмоций не проявляли. А заводилы держались настороженно, даже враждебно. Смотрели исподлобья, отпускали шуточки, криво улыбались.

Когда знакомились, я назвал себя по имени, показывая, что со мной можно быть на «ты»...

А теперь назову имена и фамилии основных действующих лиц.

Группа поддержки: Виталий Дружинин, Толя Сердюков, Саша Доронин, Женя Абрамова.

Заводилы компании: Суворов, Кружилин, Коновалов, Вуколов, Кабурнеев.

Они-то и потребовали объяснений: что будет представлять собой будущая организация?

- Чем будем заниматься?

Пришлось отчитаться. Основные занятия: работа на рации, вождение мотоцикла, стрельба из малокалиберной винтовки, бокс, самбо. Каждый выходной – либо поход, либо военная игра.

- Почему организация должна быть военно-спортивной?

- Потому что требуется порядок и дисциплина.

- А зачем нам дисциплина?

- Чтобы организация была сильной.
- А зачем ей сила?
- Чтобы все хотели вступить в нее, мы должны стать самыми сильными в районе.

- Чтобы нас боялись?
- Да, нас должны бояться.

Обратите внимание. Это одно из главных условий уличной педагогики. Подростковую организацию должны по-хорошему бояться. Иначе уважать не будут. Это даже заводилам пришлось по душе. Но они боялись потерять власть.

- А кто будет главным?
- Кого выберете.
- Голосовать будем??
- Голосовать.

Женя Абрамова раздала ребятам бюллетени – чистые листочки бумаги - и карандаши:

-Напишите фамилию того, кто достоин стать нашим президентом.

- Как? У нас главный президентом будет называться? – удивились ребята.

- А у вас есть другие предложения? Может, назовем начальником или председателем? – ехидно спросила Женя.

- Нет, председателя не надо, у нас не колхоз.

- Тогда голосуйте. Только, чур, не советоваться, не подсматривать друг у друга.

Согласись, это был рискованный ход. Ты рассчитывал, что именно тебя изберут президентом. А если бы избрали Суворова? Как бы выходил из положения?

Наверно, согласился бы с этим выбором и делал свое дело. Занимался бы экспедиторской работой. Доставал бы то, что обещал: оружие, рации, мотоциклы, боксерские инвентарь, маты для борьбы самбо. Искал бы помещение.

Если решено, что президентом будет тот, за кого проголосует большинство, значит, так и должно быть. Нужно играть (чего бы это ни стоило!) по объявленным правилам, а не менять их в соответствии с педагогической целесообразностью.

Согласен, теоретически ребята могли бы избрать президентом не меня, а Суворова или Кружилина. Но практически они бы, конечно, не справились с работой. Ребята понимали, что эта должность по плечу только взрослому, в данном случае мне.

По структуре нам полагалось иметь двух вице-президентов. Одним из них, по моим расчетам, должен был стать Суворов, а другим – Дружинин. Так и произошло. И того и другого ребята просто не могли не избрать.

Дружинин был для них гарантией, что они действительно будут постепенно превращаться в организацию. С другой стороны, не избрать Суворова означало вызвать в компании раскол с непредсказуемыми последствиями. Суворов был вице-президентом от шпаны, Дружинин – от ребят, которым бесцельная уличная жизнь порядком надоела. Это было как раз то начальное построение власти, которое и требовалось.

Перейдем к названию организации, ее героике.

В 60-е годы к читателям вернулось давно забытое имя писателя-романтика Александра Грина, между прочим, человека с трудным детством. Женя Абрамова предложила назвать организацию «Гринадой».

Я же в то время находился под обаянием личности нашего разведчика Рудольфа Абеля. О нем только пошли первые публикации. Это не выдуманный Штирлиц, а реальная фигура! Если бы Юлиан Семенов написал об Абеле, получилась бы не менее интересная вещь, чем «Семнадцать мгновений весны»

Таким образом, писатель-романтик Грин навел нас на образ - «Алые паруса». Разведчик Абель - на эмблему Щита и Меча. Мы сложили две фамилии и два образа. Название организации получилось «Гринабель» (ударение на втором слоге). Эмблемой стали Алые Паруса бригантины на фоне Щита и Меча. Как к этому отнеслись ребята? Им понравилось. Хотя какого-то особого восхищения личностям Грина и Абеля я не наблюдал. Кумирами писатель и разведчик не стали. Отчасти это объясняется тем, что героика «Гринабеля» строилась на том, что каждый подросток должен стать героем собственной жизни. Такой посыл лучше помогал выстраивать нашу систему воспитания.

Виталий Дружинин предложил девиз «Через невозможное - вперед!»

Почему решили создать именно организацию? Почему не клуб?

Клуб – слово вялое, ни к чему не обязывающее, без энергетики, а нас впереди ждала борьба. Само слово «организация» подтягивает ребят, обязывает их вести себя соответственно - организованно.

Что представляли собой ребята из группы поддержки?

Бывают очень правильные ребята. Такими были Дружинин, Сердюков, Доронин. Физически крепкие, чистые, цельные, романтические, они хорошо играли на гитаре, пели, занимались боксом. На них можно было положиться. А Женю Абрамову почти сразу же оттеснили другие девочки, более активные, бойкие. Были в группе поддержки и другие ребята. Всех не называю, чтобы читатель запутается в именах и фамилиях.

Вернемся к знакомству с уличной группой. Какое у тебя сложилось впечатление о ребятах?

До сих пор помню отзывы инспектора Мыльниковой. Но даже сейчас, по прошествии стольких лет, не считаю себя вправе писать, кто и за что попал на заметку в милицию. Поэтому ограничусь общей характеристикой компании.

Со знаком минус было 15 человек, со знаком плюс 25, из них половина – девочки. Всего около 40 ребят 15-16 лет, в основном восьмиклассники и девятиклассники. Часть увлекалась спиртным и в состоянии опьянения становилась неуправляемой. Сами потом удивлялись, как не совершили серьезных преступлений.

А еще я бы обратил внимание на такую закономерность. Криминальное созревание часто происходит в рамках уличной компании. Потерпевшими, жертвами грабежа и насилия, становятся свои ребята и свои девочки, которые никому не расскажут и никому не пожалуются. Думаю, что и в этом смысле организация сыграла свою предупредительную роль.

У меня самого долго из головы не выходил вопрос: почему меня не встретили в штыки? Объяснений несколько. Во-первых, большинство ребят было за организацию. Совсем не считаться с их мнением лидеры не решились. Во-вторых, им самим было интересно: что будет, как будет? В третьих, они не сомневались, что их положению ничто не грозит. Если «Гринабель» станет популярным и сильным, они будут в нем первыми парнями. Что в этой перспективе плохого?

Что было дальше?

Я не сказал, чем закончился первый сбор. Я объявил, что через неделю идем в поход с ночевкой, где ровно в полночь дадим присягу на верность организации. Суворов и его приближенные встретили это сообщение глумливыми усмешками. Я не придавал этому особого значения. И, как показали дальнейшие события, совершенно напрасно.

У вас была какая-то особенная присяга?

На улице действуют свои нормы. Например, можно плевать и бросать окурки прямо под ноги. За это никто никого не осуждает. Если вы хотите превратить уличную компанию в организацию, вы должны поменять уличные нормы на нормы организации. Для этого вы должны, прежде всего, записать их в устав. Только не буквально, не в лоб.

Если записать в уставе, что плевать и бросать окурки – нехорошо, подростки поднимут вас на смех. А если вы напишете, что каждый обязан беречь доброе имя организации, то с вами согласятся: как же иначе? По-другому и быть не может!

После этого можете смело требовать, чтобы не плевались, не бросали окурки и т.д.

Наша присяга традиционно включала в себя обязательство строго соблюдать устав. А в уставе было сказано, что каждый член организации по отношению к другому - товарищ и брат (попробуй теперь тронь или оскорби своего!), что перед уставом все равны. Попробуй после этого, будучи дежурным, не поддерживать порядок в помещении, не следить, чтобы там не курили или считать ниже своего достоинства взять в руки швабру.

Только в одном пункте присяга была необычной. В советское время клялись в верности партии и комсомолу. У нас же требовалась верность только организации. Это имело ключевое значение: подрывалась уличная солидарность. Поклявшись в верности организации, подросток освобождается от верности своим главарям, своей бывшей компании.

Каким был первый поход?

Поход для подростков, да еще с ночевкой, предел мечтаний. Учителя такие удовольствия устраивают редко. Боятся, вдруг кто-нибудь простынет или отравится некачественной пищей. Могут деревенские ребята привязаться. А мы в самом начале нацелились сделать походы еженедельными. Как суббота, так за город. Чтобы увести от городского безделья, от соблазнов выходных дней. Посмотрите статистику: пик происшествий приходится на субботы и воскресенья.

С самого начала мы тщательно готовились к походам. Никаких припасов из дома - только общая кухня. Расписывалось меню, подбирались поварахи из числа девочек. Назначались костровые и дежурные по кухне: кому после еды посуду мыть. Подбирались те, кто будет ставить, а потом снимать палатки, дежурить ночью. Проверялась экипировка каждого, чтобы все были тепло одеты.

Заводили, конечно, в этой подготовке не участвовали. Считали для себя несолидным суесться. Только посмеивались, не замечая, что тем самым отодвигаются в сторону. На первый план выступал новый актив - ребята, которые ко всему относились серьезно.

Походы, которые устраивают учителя, больше похожи на пикники. Доехали до какого-то места на электричке или автобусе или прошли километр-другой пешочком - вот и весь поход. А если вдруг перед отъездом закапал дождик, учитель вообще может отправить всех по домам.

Мы перед первым походом условились: выходим в любую погоду, идем пешком не меньше 10 километров со скоростью 7-8 минут километр, в пути - только один привал, в конце маршрута - переправа через реку на лодке. Опять-таки в любую погоду.

Зачем такие сложности? Хотелось сразу выявить характер каждого. И чтобы у одних было чувство гордости за себя, а другим чтобы стало стыдно. Чтобы новый актив креп, а старый, уличный, падал в глазах ребят.

Теперь подробнее о походе.

Перед выходом я проверил экипировку каждого. В некоторых рюкзаках что-то звякало. Хозяева рюкзаков отводили глаза. Как ни странно, это были самые младшие. Даже спиртное для себя лидеры не хотели нести сами. Хотя в рюкзаках лидеров тоже слышались странные звуки...

Вообще-то полагалось что-то предпринять, чтобы запасы спиртного остались в городе. Но как? Устроить обыск? Верхушка устроит скандал. Что же делать? А ничего! Сделал вид, что ничего не заметил.

Перед выходом ребята должны были построиться, встать в колонну по два. Не идти же кучей. Строй – порядок, красота коллектива. Но наша «элита» не хотела ни порядка, ни красоты. Кривлялись, пихались, хохотали. Считали стыдным стоять в строю. Вдруг увидит шпана из соседнего микрорайона? Засмеет.

Но вот кое-как все же встали наши лидеры во главе колонны. Не плестись же им в хвосте. Идем через город к окраине. Попробовали затянуть песню, не получилось. Ладно, не беда, спасибо, что вообще идем строем.

Вышли за город. Теперь можно прибавить шагу. Не получается. Не хотят лидеры идти быстро. Я смотрю на часы и задаю темп. Вот уже за мной пристраивается новый актив, за ним - остальные, а лидеры отстали, они в хвосте. Им уже не до шуток, их уже злость разбирает. Куда торопиться? Зачем? Слышу:

- Давайте отдохнем.

- Нет, мы договаривались: километр за 15 минут, привал – через пять километров. Или мы не хозяева своим словам?

Теперь «элита» плетется уже молча. Куда деваться? Не возвращаться же в город.

На привале все падаю, как подкошенные. Без привычки мне самому тяжело. А для чего поход, если он легкий? Мы решили стать самыми сильными? Решили. Так в чем дело? Вперед – через невозможное!

После привала идти еще тяжелей. По себе чувствую. Начинаю сомневаться, думаю: может, все-таки сбавить темп? Вдруг ребята сотрут ноги - как тогда обратно возвращаться?

Рядом идет девятиклассник Слава Измайлов, наш художник. Он придумал эскиз формы: куртка с погончиками и накладными карманами и берет. Мы ни разу не видели, как одеты скауты. Но, как выяснилось позже, получилось точь-в-точь. Суворов и его приближенные зовут Славу пренебрежительно мазилкой. Но он умеет не только рисовать, но и говорить в лицо Суворову неприятные вещи. И вообще относится к нему и другим лидерам иронически. За это Славе уже не раз доставалось, но он не сдаётся. Он буквально не по дням, а по часам набирает вес в глазах большинства ребят.

- Может, сбавим темп? - советуюсь со Славой.

- Ни в коем случае! - отвечает он.

И отбирает у девчонки рюкзак. Глядя на Славу, другие ребята делают то же самое. Девчонки не сопротивляются, но требуют, чтобы им дали хоть что-нибудь нести. Не идти же налегке!

- Может, сбавим темп? - спрашиваю громко.

И слышу в ответ дружное:

- Нет!

Хотя, как потом выяснится, к этому моменту ноги уже стертые у доброй половины ребят.

И все равно: «Нет!»

- Тогда – вперед!

В ответ дружное:

- Через невозможное – вперед!

Организация - впереди, улица – сзади. Лидеры отстали на добрых 200 метров. Потом – на 300, 400, 500...

Выходим к Иртышу. Хорошо, бакенщик выполнил уговор: лодка с веслами в условленном месте. Можно переправляться на остров Теплинский. Но неожиданно поднялся сильный ветер. По Иртышу загуляли высокие волны. В голове сомнение: может не стоит?

Подходят лидеры:

- На фига нам эта переправа? Что там делать, на этом острове?

Хорошо, ставим на голосование:

- Кто за то, чтобы переправляться? Кто - против?

Против только лидеры. Вот зачем поход с такими трудностями!

Переправляемся. Я не доверяю весла никому, гребу сам. В лодке помещается не больше шести человек. Всего нас больше сорока. Семь рейсов туда, семь обратно. Правда, остров - рукой подать. Но как бы лодка не перевернулась. Ветер крепчает. С каждым часом становится все холоднее. Похоже, следом за дождем пойдет снег. Этого нельзя исключать. Все-таки апрель, десятое число.

Лодка не перевернулась. Она просто стала протекать. Причем очень быстро. Воду вычерпывали консервными банками.

Наконец, все на острове. Начинаем ставить палатки, готовить ужин. Все при деле, только не «элита»...

Палатка лидеров ходит ходуном. Нарезвившись, притихли. Слышу: звяк... Значит, разливают по кружкам. Раздвигаю полог:

- Не помешал?

- Нет, мы только собирались тебя позвать. Хлебнешь?

- Да нет, спасибо, как-нибудь в другой раз.

- Какой другой? Такое событие! Первый поход! Ха-ха-ха! Надо отметить.

- Событие состоится в полночь. Или вы не думаете присягу принимать?

- Ну, это сколько ждать. Давай пока по глоточку.

- Вы за меня голосовали?

- Ну, и что? Нельзя выпить, что ли? У нас вроде нет сухого закона.

- Вы превращаете поход в пикник и пьянку. Если я это допущу, организации не будет. Будет шайка-лейка под названием «Гринабель».

Вижу, напряглись агрессивно:

- А как ты не допустишь?

- Хорошо, а если я попрошу вас не пить, по крайней мере, до присяги? Потом, черт с вами, закрывайтесь в этой палатке и справляйте.

- Просишь?

- Прошу!

- Ну, как, парни, уважим? Все-таки президент.

Чей-то голос из глубины палатки:

- Ладно, уважим.

Меня трясло. Что делать, успокаивал я себя, это и есть уличная педагогика. Атаманщины никак не избежать. Только сколько она продлится, вот вопрос!

Полночь. Остальные ребята видят, что происходит. Меня окружают, стараются показать, что они, большинство, со мной. Разводим большой костер, зажигаем факелы, встаем вокруг, обнимаем друг друга за плечи, и я читаю текст присяги, ребята повторяют за мной. Только не очень понятно, отчего дрожат наши голоса. То ли от холода, то ли оттого, что момент сам по себе запоминающийся, сильный.

И вдруг – ружейные выстрелы. Один, другой, третий, четвертый. Оглядываемся, а это наши вожачки куражатся, по-своему отмечают событие. Но как бы то ни было, они снова в центре внимания. На них снова посматривают с опаской: мало ли еще чего выкинут?

А где же ребята из группы поддержки?

Самых надежных из них – Дружинина и Сердюкова – не было. Не помню, по какой причине, но они не могли пойти в этот поход. Но даже если бы пошли, картина была бы примерно такой же. Остановить лидеров не мог в то время никто. Но справедливости ради надо сказать, вели они себя так не из вредности. Просто над ними довлел стереотип: как можно идти за город без спиртного и оружия? Никак нельзя. Не принято.

И все же кто-то из ребят пытался их остановить. Когда салют кончился, лидеры вернулись в свою палатку. Вдруг слышу оттуда яростную, истерическую

ругань.

Подхожу:

- В чем дело?

- А кто нашу водяру разлил?

- Понятия не имею.

- Нет, это ты кого-то подослал!

Вижу, лидеры уже наглеют, хамят.

Спрашиваю:

- Неужели все вылито?

В ответ:

- Не все, но половина, две бутылки.

Кажется, сейчас начнется поиск виноватого. А это - скандал, и кому-то из ребят достанется. Надо что-то делать. А у меня обязательная для похода фляжка со спиртом. Снимаю с пояса, протягиваю: вот вам компенсация за понесенный ущерб. Успокоились, предлагают выпить.

- Черт с вами, - говорю, - за «Гринабель» можно сделать глоток.

- Так и мы – за «Гринабель»!

- Тогда тоже - только по глотку!

- По глотку? Ха-ха-ха! Ну, для начала можно и по глотку.

Они долго еще колобродили. Но, слава богу, ни к кому не приставали.

Остальные пекли в костре картошку, сидели тесно, дул пронизывающий ветер, вместо дождя сыпалась белая крошка. Пели под гитару любимые старые песни и одну новую, уже свою, написанную Мишей Монаковым:

Ночь скрыла лба земного умные морщины,
Ночь вдоль и вширь на тридцать тысяч верст,
И палубу усталой Бригантины
Засыпали сугробы щедрых звезд.
Подать рукой до Африки и Азии,
И все-таки дороге нет конца.
Пассатами мальчишеской фантазии
Уносит нас на алых парусах.
Ночь до краев полна прохладой глубинной,
А неба сыплет звонкий звездопад...
И грустный и нескладный призрак Грина
Пришел на бак и сел среди ребят.
Но рухнет ночь,
Рассветом яростным пробита,
И солнце закачается в волнах,
Корабль наш будет синь сверлить бушпритом,
А волны – петь о славных временах.
И будут тучи в небе белым штабелем,
И будет на губах морская соль,
И будет ждать парнишку из «Гринабеля»
В далеком далеке его Ассоль.

Чем же закончился ваш первый поход?

Через много лет, став уже взрослыми, ребята говорили, что им в память врезалось, как переправлялись в бурю через Иртыш, как боялись, вдруг перевернется лодка, как принимали при пламени факелов присягу.

А я почему-то помню, как плелись обратно, не выспавшиеся, едва переставляя стертые ноги. (Наша «элита» угомонилась только под утро,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru